

ОТКРОВЕННЫЙ
РОМАН

Проза

ИРИНЫ КРИЦКОЙ

ИРИНА КРИЦКАЯ

Разлюбил –
будешь наказан!

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К 82

Художественное оформление *С. Власова*

Крицкая, Ирина Львовна.

К 82 Разлюбил — будешь наказан! / Ирина Крицкая. — Москва : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Откровенный роман. Проза Ирины Крицкой).

ISBN 978-5-699-70783-6

Десять лет Соня и Антон в законном браке. Основные ценности определены: дети, дом, бизнес. Но в офисе мужа появляется красавица-секретарша — и семейную крепость начинает тряссти. Вспомнив, что она королева, а не домохозяйка, Соня выносит мужу мозг, рвет в клочки свою душу...

Но! Эта история не о проблемах внутри любовного треугольника. Она — о первой любви, от которой пришлось отказаться, о забытых мечтах. Это попытка дать ответы на вопросы: что происходит с человеком, когда он сыт-обут-одет и при портфеле? Стоит ли перетряхивать свою жизнь, обнаружив в ней личинки фальши?

Если и вас накрыл кризис среднего возраста или вам просто нужен волшебный пендель — прочитайте. Поможет.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70783-6

© Крицкая И., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

1. Новая секретарша

Я — столбовая дворянка. В моей кухне дымится кофе. Я танцую в прозрачной рубашке и никуда не спешу.

Спешит мой муж. Даже обнять не успеваю.

— Подожди минуточку, — прошу его, — съешь бутербродик.

— Все, все, — отпихивается он. — Мне некогда.

— Ну, дай хоть поцелую... Дай покусаю...

— Хорошо, — говорит, а сам уже обувается. — Кусай. Я не пойду на работу. Буду тебя целовать весь день. Оставлю государство без налогов...

Он забрал у меня чашку и убежал прямо с кофеечком.

Его офис на первом этаже (он там командует), а наша квартира на втором, и тут, конечно, чего уж говорить, тоже командует он.

У меня осталось пять минут тишины. Всего пять, пока не проснулись дети. Так что я тихенько,

как мышь, иду в свою башню, на белую лестницу в зеркальных витражах. Сажусь в кресло и смотрю на небо, на молодые свежие поля, на брызги красных маков... Туман почти растаял, и странное круглое облако повисло прямо напротив моей башни. Такое подозрительное облако. Почти идеальная окружность. И мягкое на вид, как пуховая подушка.

Вот и сидела бы в облаках, но нет, дернуло меня посмотреть на землю. И что я вижу у себя под носом?

У ворот остановилось такси. Вышла неизвестная девушка. Высокая стройная блондинка (только этого мне не хватало с утра пораньше). Улыбается охраннику и трогает за ухо моего Макса, моего родного ньюфаундленда! Поднимается в офис. На крыльце хватается за мои кованые перила. Чего смотришь, красота? Я сама, между прочим, их кузнецу рисовала. Стоит рядом с толстой хохлушкой, нашей кладовщицей, смеется, а потом прыг — исчезает в офисе моего единственного мужа.

Кто эта мерзавка в солнечно-желтом платье? Мерзавка, мерзавка, не сомневайтесь, я все отсюда вижу, из своей стеклянной башни. Какое мерзкое платье! Такой навязчивый раздражающий цвет... А как ей идет, заразе! Неужели эту модель берут на мое место?

Мне, конечно, все равно... Но я сразу почувствовала эти холодненькие зеленые ручки, которые схватили меня за горло. Я вскочила с кресла, ста-

ла искать свой обрез... «Так! — говорю себе. — Так!..» А за дверью уже дочь моя плачет, маленькая совсем, еще и года нет. Я отнесла ее в комнату к старшему.

— Посмотришь? — прошу. — Я в офис на минутку.

Хватаю что-то с вешалки и бегом вниз, по ступенькам... Стоп! Все же смеяться надо мной начнут. Скажут: «Ах, как быстро она прискакала!». Надо подождать еще чуть-чуть, минут пять хотя бы. Сейчас вернемся на мою обзорную площадку. Давайте я вам пока план местности обрисую.

На календаре у нас середина мая. Мы с вами находимся в кубанских степях, на въезде в пыльный жаркий город. Местные жители называют его столицей... Что ж, пусть называют. Столица — не столица, но розы здесь цветут до декабря. Автострада шумит день и ночь. До моря меньше сотни километров.

На месте нашей резиденции несколько лет назад было чисто поле. А потом приехал мой муж — и теперь здесь база сельхозтехники. Впрочем, нас с вами это уже не касается. Тем более сейчас, когда у него появилась новая секретарша. Все. Идем в разведку.

В зале мальчики сидят, мои бывшие коллеги. Это я им повесила салатовые жалюзи, для тонуса. Сегодня они даже не повернулись в мою сторону. Вяленько так кивнули «Привет» — и прячутся на нее.

Вот она! Уже расселась за моим столом. А я его сама, между прочим, мебельщикам рисовала. Прохожу в кабинет к своему тигру. Успеваю сфотографировать ее быстрым взглядом из-за плеча. Ах, так! Хорошо, хорошо, Антон Сергеич... (это моего мужа так зовут). На гламур вас, значит, потянуло: губы, ресницы, ноги... Какое безобразие! Как вы вульгарны!

Сейчас, сейчас... Посмотрим мы ее анкету. Я хапнула папку у мужа со стола и уселась читать. Муж даже не взглянул на меня, по телефону решает международные проблемы.

Читаем. Двадцать пять лет... институт физкультуры!.. тренер по плаванию! Опыт работы в какой-то шарашке два года... Муж хорошо хоть есть. Один ребенок... Две ошибки в слове «профессионал»... Совсем дура, не могла посмотреть, рядом есть графа «профессиональные навыки». Что она там пишет? «Готова работать с полной самоотдачей». Я падаю! Так... массажист с одной «с». При чем тут массажист? Нет! Не может быть!

— А где «высшее экономическое»? Где «деловой английский»? — спрашиваю я своего мужа.

Давайте я вас с ним поближе познакомлю. В детстве, когда мы были пионерами и кушали пломбир за двадцать две копейки, он прочитал «Финансиста» и повернулся на бизнесе. Бизнес для него — любимая игра. Деньги в ней не цель, а бонус. Точнее, сегодня деньги — бонус, а вчера это была

цель, еще какая цель. Мой муж — антикризисный управляющий. Если ваша фирма навернулась — зовите его. Он почистит любую конюшню. (Как я его рекламирую! А он на меня даже не смотрит.) Придумала заголовок: «Мой муж — человек-снайпер». Он не делает лишних движений и умеет ждать. И возле такого мужика теперь будет крутиться эта безграмотная массажистка!

— Антон! — Я подхожу к нему и наклоняюсь к монитору.

Программа «Клиент-банк» — тигр чахнет над золотом. Поднимает глаза. Ах, какие они добрые!

— Ну? Что ты думаешь по этому поводу? — кивает он на анкету в моих руках.

— Супер! — говорю. — Такая задница... я вообще не могу!

— Научи ее там... документы оформлять.

Он поглядел на меня с легкой жалостью, как на глупенькую и страшенькую. Первый раз он так на меня смотрит. Честное слово, первый раз! Десять лет я была королевой, и никто, ни одна сволочь не оспаривала мой титул.

Я еще ничего не успела сказать, а уже начались оправдания:

— Крошка, у нас сезон. Нам ждать некогда. Думаешь, так легко найти нужного сотрудника? Сейчас мужики по клиентам разъедутся — на телефон посадить некого. Я зашиваюсь!

— Ага, ага, — киваю. — Ты ее на испытательный срок или сразу насовсем?

— Не знаю... если разрешишь... Она же красотка...

— Что?!!

Вы слышали? Он назвал при мне чужую тетку красоткой. Такого не было ни разу! Десять лет я была уверена, что в своем шкафу с удочками и болотными сапогами муж прячет белоснежные ангельские крылья.

— Я имею в виду... — Он все-таки поясняет. — Для клиентов, для фермеров, для колхозников — она красотка. Не для меня. Для меня... все-таки... как-то... она... простовата...

— Ладно, — говорю. — Меня это не касается. Я вообще больше в вашей организации не работаю.

— Пожалуйста, объясни ей там все, будь другом.

— Мне некогда, у меня дети, — проямлила я. И бегом домой, мимо новой звезды, побыстрее.

...Господин директор сделал все правильно. У меня к нему никаких претензий. Какие тут могут быть претензии?

Я просто хочу его разорвать!

— Макс! Домой! Домой, толстая сволочь! — зову я свою собаку.

Только не надо мне говорить, что я проблему из пальца высасываю. Если бы мой тигр переспал с этой бабенкой где-нибудь на заднем дворе, в стогу, в мотеле, я бы не заметила. Левый секс — не моя тема. В чем тогда дело? Как? Вы не видите? Мой дом — мой театр! Мой! Я здесь примадонна! Караул! Аплодисменты мои украли!

2. Красота!

Отломите мне шоколадки кусочек. Или нет, накапайте мне чего-нибудь покрепче. Борща налейте с чесночком. Мне срочно нужна маленькая радость! Дождешься от вас! Знаю — сама, сама все себе организую. Ничего не поделаешь — придется открывать свою потайную дверь.

Сейчас! Я вам его покажу! Он похож на большую черную собаку. Правда, я не видела его уже тринадцать лет... Не видела и прекрасно себя чувствовала, пока однажды меня не занесло на серпантин, на эту тошнотворную дорогу вокруг Кавказских гор.

...Полоса крутится спиралью. Разгон — тормоз, разгон — тормоз. Меня выворачивает наизнанку, а делать нечего — остановиться негде. Слева горы, справа — обрыв. Впиваюсь зубами в кислое яблоко, не дышу и психую: «Нельзя как-нибудь полегче?»

Пропади он пропадом, этот русский юг! Этот антисервис! Эти толпы обгоревших грешников! Нам надо проехать перевал, до Сочи. Меня тошнит уже больше двух часов. Какие пейзажи? Глаза бы в одной точке задержать. И сын еще все время: «Когда? Ну когда?» И вдруг я вижу указатель «Пос. Новомихайловский». Смотрю направо, в сторону моря, там скоро начнется длинный-предлинный забор, за которым находится тот самый лагерь.

Вот! Уже проезжаем главные ворота. Я заорала сыну: «Не ори!» Вот они — большие белые буквы: «Орленок». Я пытаюсь разглядеть что-нибудь за бегущей решеткой забора и кричу:

— Я здесь была!

— Успокойся, мыш, — мой муж терпеть не может эту дорогу. — Когда ж ты уже забудешь свои пионерские подвиги?

— Я здесь была, — говорю.

Решетка мелькает, длинная, на весь поселок. И ничего там не видно за деревьями, только солнечные лучи моргают сквозь листву. И уже не верится, что я жила целый месяц там, по ту сторону забора. Вот так вот буду когда-нибудь пролетать над Землей, начну кричать: «Я здесь была! Я здесь была!», а мне никто не поверит.

Да, представьте себе, мы встретились в этом самом пионерском лагере. А что вы сразу: «Фу! В пионерском лагере...»? Это, между прочим, был 1991 год — год смерти всех пионеров. Не было уже никаких барабанов, галстуков, свистков, линеек, строевых песен. Ни одного пионера, кругом — журналисты.

Я приехала на Форум Юных Корреспондентов, что-то похожее на корпоративный семинар, которые проводятся теперь где-нибудь в Египте или Болгарии. Правда, вшей все-таки на въезде проверили, не удержались. Это же только 1991 год, коммунисты еще не вымерли. Хотя о чем я? Тогда я наивно радовалась, что скоро на земле не оста-

нется ни одного коммуниста, а теперь знаю — они бессмертны; мосты, телефон и телеграф по-прежнему у них.

Газеты орут: «Свобода слова!», «Демократия», «Гласность», а мы, молодая пресса, стоим в очереди на медосмотр, в одних трусах, прикрываясь медкартами. Мы одрессированы к своим пятнадцати годам, как белые мышки. Терпение и покорность — наша главная добродетель. «Это что за «шуточки революции»? Пошли вы на... со своим колхозным лагерем, — думаю. — Сейчас плюну — и на вокзал». Но дрессура делает свое дело: не плюю, стою, жду своей очереди, готова сунуть шею в петлю из пионерского галстука.

Народ возмущается громким шепотом:

— Какая дикость! Как на зоне!

И я со всеми помалкиваю и мечтаю. Меня считают овцой, меня сгоняют в стадо, а я стою в одних трусах и мечтаю о любви.

Нас посчитали по головам, проштамповали и выпустили. Мы плетемся по расплавленной резиновой дорожке. Жарит так, что плечи зашипало. Вокруг зелеными пирамидками южные деревья... До сих пор не удосужилась выяснить: кипарисы это или не кипарисы. Ветер пахнет чем-то знакомым... Что-то из моего несчастного детства... Ну, точно! Так воняли водоросли в Анапе, давно, когда мои родители еще жили вместе. Дорожка выходит на высокую открытую площадку и... Вот оно — море!

Я, добрая девочка, не стану утомлять вас пейзажем. Кто это море не видел? Я просто коротенько сообщу, что чуть не упала в обморок от его неожиданных масштабов. Что я видела целый год, ученица, не знающая слова «дайвинг»? Типовая школа, вяленькие астры, наглядные пособия «Как действовать при пожаре», «Как правильно надевать противогаз»... Каждый день разбитая дорога, серый шифер, серый штакетник, серый кирпич, тополь татарский, тополь пирамидальный... И тут вдруг море! А-а-а-а-а! Сколько свободного места! Вода сверкает, как свалка разбитых зеркал. Глазам больно! «Прощаю всех! — подумала я. — Даже коммунистов, раз в мире есть такая красота».

3. Не соответствую уровню!

Так, минуточку. Отдохнем от детства. Мне срочно надо обняться. Не с вами, не бойтесь. Сейчас прорвусь на прием к своему тигру.

У нас тут, между прочим, южный вечер. Остывает асфальт, и бабочки летят на фонари, а мой тигр все еще на работе, хоть ты убей его. И отмазончик себе придумал: «Все, что мужчина не успеет сделать в своей карьере с тридцати до сорока, он не успеет сделать никогда». Согласна. Но если меня не обнимать, я впадаю в анабиоз.

А с чем я к нему сейчас приду? Я даже не в курсе, почему в этом году пшеница. Я не вкуриваю про

последние конструкторские разработки нашего завода. А к начальству нельзя без повода: или по делу, или рассмешить. Ладно, пойду расскажу ему анекдотик про Красную Шапочку.

Так, Мэрилин Монро оставила на стуле свой палантин. Уже чувствует себя как дома. Вот они, вражьи боеприпасы, в верхнем ящике стола: духи, помада, лак для ногтей, модный журнальчик. Есть чем заняться в рабочее время. А шеф до ночи завалы разгребает. Слышите? До сих пор на телефоне. Говорит по-английски.

— Я вылетаю в Милан... Нет, Сабрина, не в Венецию — в Милан.

Сабрина — секретарь нашего итальянского партнера Антонио. Антонио — хозяин завода сельхозтехники в Болонье. На каждом углу он поет, что хочет завоевать Россию, совершить революцию, завалить наши поля своим железом. Почти не врёт. В Европе кризис, Антонио нужен новый рынок. Ему страшно повезло: завод, который здесь, на юге, раскручивает мой муж, захотел с ним дружить, собирать его железо в России. Жаль, у меня не спросил, а то бы я его научила: Антонио, хочешь завоевать Россию — начинай с меня.

— Да, Сабрина, я везу фермеров. Будем смотреть вашу технику, — кричит мой муж.

Громко, чтоб его в Италии было слышно. А я стою, как сенная девушка с подносом, жду, когда барин соизволят. Рассматриваю фотографию